

ДОКУМЕНТЫ О ПОЕЗДКЕ В ИРАН ГОНЦА К.А. ИЕВЛЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКОГО КОНФЛИКТА 1651–1653 ГОДОВ¹

DOCUMENTS OF THE MESSENGER K. IEVLEV'S MISSION TO IRAN AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN IRANIAN CONFLICT OF 1651–1653

*D. Kopaneva
A. Belova
N. Belov*

Summary: The mission to Iran in 1653 of the messenger K. Ievlev became the first step towards the settlement of the Russian Iranian military conflict of 1651–1653. The materials of Ievlev's mission have not been published. They are based on the order, report and letters from Tsar Alexei and Shah Abbas II, which the monarchs exchanged on the eve of the arrival in Iran of the 'great' embassy of Prince I. Lobanov-Rostovsky. An analysis of the embassy documents shows the importance of Ievlev's mission, as it prepared the ground for the subsequent negotiations between the two powers. Ievlev's report is a valuable source not only on the history of Russian-Iranian relations in the first half of the 1650s, but also on the socio-political and military history and culture of Safavid Iran. It contains information about important events of the spring and autumn of 1653: the capture of the fortress of Sunzha by the Iranian army, the defense of Kandahar by the Iranians against the Mughal troops, and the visit of Jesuit F. Rigordi to Shah Abbas II.

Keywords: Russian-Iranian relations of the 17th century, the Ambassadorial Office, Safavid Iran, Shah Abbas II, Klementiy Ievlev.

Копанева Дина Дмитриевна

*кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет
st036379@spbu.ru*

Белова Анна Борисовна

*инженер-исследователь, Санкт-Петербургский
государственный университет
beloniria@mail.ru*

Белов Никита Васильевич

*инженер-исследователь, Санкт-Петербургский
государственный университет
belovnikita1997@yandex.ru*

Аннотация: Поездка в Иран в 1653 г. гонца К.А. Иевлева стала первым шагом на пути к урегулированию русско-иранского вооруженного конфликта 1651–1653 гг. Материалы этой миссии не изданы, их основу составляют наказ и статейный список, а также грамоты царя Алексея и шаха Аббаса II, которыми монархи обменялись в преддверии приезда в Иран «великого» посольства князя И.И. Лобанова-Ростовского. Анализ посольских документов показывает важное значение миссии Иевлева, поскольку она подготовила почву для последующих переговоров двух держав. Статейный список Иевлева является ценным источником не только по истории русско-иранских отношений первой половины 1650-х гг., но и по социально-политической, военной и культурной истории Сефевидского Ирана. Он содержит сведения о важных событиях весны–осени 1653 г.: взятии иранской армией Сунженского острога, обороне иранцами Кандагара от войск Великих Моголов, приезде к шаху Аббасу II иезуита Ф. Ригорди.

Ключевые слова: русско-иранские отношения XVII в., Посольский приказ, Сефевидский Иран, шах Аббас II, Клементий Иевлев.

История дипломатического взаимодействия между Романовской Россией и Сефевидским Ираном в XVII в. богата примечательными эпизодами, многие из которых остаются неисследованными. В деле их изучения значительную роль играют материалы фонда № 77 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) «Сношения России с Персией». Наиболее информативными источниками по данному вопросу выступают наказы (инструкции) и статейные списки (отчеты) русских посольств, неоднократно обращавшие на

себя внимание исследователей [1; 23].

Несмотря на хорошо налаженные к середине XVII в. торговые и дипломатические связи, в 1651–1653 гг. между Россией и Ираном разгорелся вооруженный конфликт [2; 8]. В русских и иранских источниках по-разному описываются его причины, однако в числе основных можно назвать спор о пограничных крепостях, а также недовольство ширванского беглербека (наместника) Хосров-хана постоянными нападениями казаков на тор-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

говые суда в Каспийском море, которые русская сторона не могла пресечь [31, с. 730–735]. Для улаживания конфликта в 1653 г. в Иран была направлена дипломатическая миссия «великих» послов окольного князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского, стольника Ивана Богдановича Камынина и дьяка Василия Нефедьева, которая сыграла важную роль в его благополучном разрешении и последующей нормализации русско-иранских отношений. Статейный список этого посольства сохранился в фонде «Сношения России с Персией» [15].

Подготовка и путешествие посольства князя Лобанова-Ростовского требовали времени. Учитывая серьезность сложившейся ситуации и необходимость принятия скорейших мер по налаживанию диалога, царем Алексеем Михайловичем (1645–1676) было принято решение отправить вперед гонца, которым стал Клементий Алексеевич Иевлев. Основной задачей Иевлева была доставка шаху Аббасу II (1642–1667) сообщения о скором прибытии «великого» посольства для урегулирования противоречий. Гонцу также надлежало «тамошних всяких вестей проводывать» [14, л. 82] – оценить обстановку в Иране накануне переговоров. Дело о поездке Иевлева – наказ, статейный список, грамота царя Алексея, ответная грамота шаха Аббаса II и др. – сохранилось в фонде «Сношения России с Персией» [14]. Прежде оно обращало на себя внимание историков [17, с. 64–65], но не становилось предметом специального исследования. По этой причине в рамках настоящей статьи авторами представлен анализ его содержания и ключевых моментов.

Выбранный нами для рассмотрения комплекс документов (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1653 г. Д. 3) весьма полно отражает дипломатические стратегии русской и иранской сторон в непростой политической ситуации накануне переговоров 1653–1654 гг. Клементий Алексеевич Иевлев был старшим сыном дьяка Алексея Ивановича Иевлева и принадлежал к довольно известной приказной семье Иевлевых, сведения о которой восходят к середине XVI в. [3; 6, с. 215–216; 12, с. 42–44]. Отец Клементия, как предполагал М.А. Полиевктов, собирался направить карьеру сына «по дипломатической части» [13, с. 043]. В документах зафиксировано присутствие Клементия Иевлева (без жалования) при отце дьяке А.И. Иевлеве в посольстве стольника Н.М. Толочанова в Имеретию в 1650–1651 гг. [13, с. 49, 58, 115, 129] – в этой поездке он еще не дипломат, но «как бы подготовляющийся к дипломатической карьере» [13, с. 045]. В 1653–1654 гг. состоялась миссия гонца Клементия Иевлева в Иран, которой посвящена наша статья. Впоследствии дипломатическая служба Иевлева продолжилась: в августе 1655 г. он послан гонцом к шведскому королю Карлу X Густаву [9, с. 9–16; 21, с. 28–29], а в феврале 1657 г. – гонцом в Речь Посполитую к королю Яну II Казимиру [7, с. 72–107; 21, с. 209]; в 1667 г. Иевлев вновь посетил Иран, теперь уже в ранге посланника [16].

Рассматриваемое дело, к настоящему времени неопубликованное, содержит 472 листа. В его составе отложились документы, касающиеся поездки в Иран Клементия Иевлева и, отчасти, «великого» посольства князя Ивана Лобанова-Ростовского. Среди документов выделяется наказ Иевлеву [14, л. 32–85] и его статейный список, описывающий путь от Дербента до Бастаны и обратно, вплоть до возвращения в Москву [14, л. 98–149]. Согласно материалам дела, царь велел послать к Аббасу II гонца «из житья» (т.е. в чине жильца) Клементия Алексеевича Иевлева, подьячего Маркелла Наумова (из Ямского приказа) и толмача Гаврилу Угримова. Иевлев, как сказано, был фигурой заметной. О Наумове сведений найти не удалось. Угримов же известен как толмач татарского языка в 1650/51–1667/68 гг., хотя о его поездке в Иран в составе миссии Иевлева в литературе нет данных [4, с. 336]; в наказ имя Угримова внесено постфактум: первоначально в поездку должен был отправиться толмач Григорий Гостев (о нем: [4, с. 295]). Трех посланцам поручалось сообщить шаху о будущем визите «великих» послов и передать царскую «любительную» грамоту [14, л. 8, 14, 85].

8–10 апреля 1653 г. были готовы царские указы, адресованные воеводам и дьякам городов от Москвы до Астрахани – с требованием оказывать Иевлеву всестороннее содействие [14, л. 22–31]. В деле сохранился подробный наказ Иевлеву [14, л. 32–86]. В соответствии с ним, гонец должен был проследовать из Москвы в Казань, далее волжским путем в Астрахань, а оттуда по Каспию – в Иран. По приезде в первый же «шахов город» гонцу следовало объявить местным чиновникам («приказным людям») свой статус и цель поездки – для того, чтобы получить пристава, «корм», подводы и незамедлительный пропуск к шаху [14, л. 32–35].

По прибытии в город, где в тот момент будет находиться шах, гонцу предстояло обратиться через пристава к шахским советникам («ближним людям») – с извещением о доставке «любительной» грамоты. Эту грамоту гонец обязался вручить лично шаху, даже в том случае, если советники «велят ему быть у себя, и грамоту у него похотят взять, а ево з грамотою к шаху пустить не похотят» [14, л. 35–41, 50, 60–61]. На аудиенции у Аббаса II гонец должен был, соблюдая этикет, вручить «любительную» грамоту, ответив при необходимости, что на словах, помимо грамоты, царь ничего не передал («...словесного приказы с ним никакова нет»). Особое значение составители наказа придавали ритуальному вопросу иранской стороны о здоровье царя (о смысле данного действия [24, с. 48–49, 182–184]). Вопрос этот должен был быть задан шахом во что бы то ни стало, и, в случае заминки, от гонца требовалось настоять на его произнесении [14, л. 41–49].

Не меньшее число этикетных тонкостей следовало

учесть при «отпуске» гонца из Ирана обратно в Россию. Гонец должен был заранее ознакомиться с содержанием ответной грамоты шаха, обратив внимание на верное написание в ней царского титула. Эта грамота также могла быть получена только из рук самого шаха, а не его советников; последнее нехотя допускалось лишь в том случае, если шаха «заняли не до воли», или он «пошел в войну <...> или в иные места» [14, л. 61–66]. Помимо протокольных ситуаций гонцу следовало быть готовым к ряду вопросов со стороны шахских приближенных или приставов. Так, если иранские чиновники решат справиться о возрасте царя, полагалось ответить, что ему 25 лет, хотя на момент составления наказа в марте 1653 г. царю едва исполнилось 24 года, а в день аудиенции Иевлева у шаха 15 сентября – 24 года и шесть месяцев [14, л. 66].

Главные же вопросы иранцев, как ожидалось, коснутся отношений России с иностранными державами. В случае их поступления гонец должен был сказать, что с римским папой и германским императором царь Алексей «за дальним ростояньем ссылки не имеет, и ссылатца с ним <...> не о чем» (имелся в виду 37-летний перерыв в дипломатических контактах между Москвой и Веней в 1617–1654 гг. [22, с. 180]); что с королями Франции, Англии и Дании царь пребывает «в крепкой братственной дружбе и в любви»; что «владелец» Нидерландов Вильгельм II Оранский «жалованья к себе желает», его люди торгуют с Россией и хотят помогать ей «на всякого <...> недруга всяким вспоможеньем» (на деле, Вильгельм умер за два с половиной года до составления наказа: с этого времени Нидерланды вступили в т.н. первый период без штатгальтеров, 1650–1672 гг.); что с королевой Швеции Кристиной царь состоит «в дружбе и в любви, и в ссылке»; что с крымским ханом Исламом III Гиреем и с польским королем Яном II Казимиром заключены договоры о «дружбе и любви» (хотя еще в начале 1651 г. в России стало известно о планах Крыма и Польши «сопча Московское государство воевать и разорить» [10, с. 36]); что Большие Ногаи и Казыев улус (Малые Ногаи) находятся «в воле и в послушанье» у царя (несмотря на то, что к концу 1630-х гг. ногайская государственность «извелась», и бывшая Орда оказалась раздроблена на отдельные группировки улусов [20, с. 368–370, 410–411, 422]; таким образом, представленная в наказе картина отражала реалии по меньшей мере пятнадцатилетней давности); наконец, что Сибирь есть царская вотчина, в ней устроена архиепископия, построены города, назначены воеводы и т.п., а размеры ее столь огромны, «что в одну сторону ис стольново города ходу три годы» [14, л. 67–81].

Все эти ответы гонец имел право дать лишь в случае прямых вопросов со стороны иранцев, рассказывать что-либо по собственной инициативе ему воспрещалось. На другие, не предусмотренные наказом, вопросы о состоянии государства следовало уклончиво отвечать,

что гонец ответа не знает, «потому что он человек служилый» [14, л. 81]. Кроме решения официальных задач, гонцу поручалось разузнать обстановку в Иране («...тамошних всяких вестей провеживать»), что говорит не только о дипломатическом, но и о разведывательном характере миссии [14, л. 82]. По получении «отпуска» у шаха, гонцу поручалось ехать в Астрахань и, встретив по дороге «великих» послов во главе с князем Лобановым-Ростовским, рассказать им о настроениях иранской стороны: хочет ли Аббас II быть «в братцкой дружбе и в любви» с царем Алексеем, каковы дела в его государстве, ведет ли он с кем-либо войну и ждет ли «великое» посольство [14, л. 82–84].

Вернувшись в Москву, гонец должен был предоставить материалы миссии – грамоту шаха и статейный список – в Посольский приказ [14, л. 84–85]. После наказа в деле приводятся тексты двух грамот. В первой, марта 1653 г., царь Алексей уведомляет шаха Аббаса II об отправке «великих» послов и просит отпустить гонца Иевлева назад, «не задержав» [14, л. 86–91]. Вторая, как видно, сентября 1653 г., содержит ответ шаха русскому царю с изъявлением желания «быть в крепкой дружбе и любви, и в ссылке» [14, л. 93–94]. Оба документа выдержаны в осторожном тоне: в них не упоминается о конфликте двух держав, что, очевидно, подтверждало желание обеих сторон достичь его скорейшего разрешения.

Статейный список Иевлева занимает полсотни листов [14, л. 98–149]. Начало документа утрачено, однако ясно, что гонец отправился в путь около 10 апреля 1653 г.: выданные Иевлеву подорожные грамоты датированы 8–10 апреля, а сам он, будучи 10 июля в Шемахе, говорил, что с того момента, как он покинул Москву, «настал четвертой месяц» [14, л. 22–31, 100]. Путь Иевлева и его людей лежал через Шемаху, где 10 июля дипломат имел разговор с беглербеком (наместником) Ширвана Хосров-ханом. Последний играл важную роль в русско-иранском конфликте 1651–1653 гг. [31]. В числе прочего Иевлев обратился к нему с просьбой об освобождении астраханских стрельцов, взятых в плен «в те поры, как ходили под Чебана», т.е. во время похода против изменившего русскому царю ногайского Чебана-мирзы Иштерекова (1651 г.) [8, с. 25]. Хосров-хан обещал отпустить пленных в Астрахань [14, л. 99–100].

В тот же день Иевлев узнал от данного ему в Шемахе пристава, что шах Аббас II находится не в столичном Исфахане, а в городе Бастам, близ юго-восточного побережья Каспийского моря. Оттуда шах следил за походом своих войск под Кандагар, к которому пришли «индейские царевичи со многими людьми». Речь шла об эпизоде войны двух государств – Сефевидов и Великих Моголов – за Кандагар (1649–1653 гг.): об очередной и, как станет ясно, последней неудачной попытке могольского наследного принца Дара Шукоха отбить захвачен-

ный иранцами город [25, р. 268; 27, р. 124–125]. На вопрос Иевлева, отчего Хосров-хан не пошел под Кандагар вместе с шахскими войсками, пристав ответил, что шах велел ему стоять «со всеми ратными людьми» в Шемахе, поскольку в ту пору ожидалось нападение русской армии «на шаховы города морем и горами» [14, л. 101] – как станет ясно позднее, то была реакция шаха на взятие армией Хосров-хана весной 1653 г. Сунженского острога – русского форпоста на Северном Кавказе.

12 июля Иевлев покинул Шемаху и, миновав города Ардебиль, Казвин и Тегеран, 1 сентября достиг «деревни Шаарут» (совр. город Шахруд) – «за пять верст» до Ба-стама. На следующий день посольская миссия, получив одобрение шаха, въехала в Бастам. В ответ на претензию Иевлева об отсутствии пышной встречи пристав заметил, что это неудивительно, ведь они находятся вдали от Исфахана: «...коли бы был <...> шах в стольном городе, и тебе бы учинили честь против прежняго». Два дня спустя Иевлев осознал: он прибыл в «нужные и худые места», лежащие в 15 днях пути от Исфахана... [14, л. 102–108].

Большой интерес представляет тот факт, что в это же время в Бастаме находился «немецкой посол Французские земли». По словам пристава, он приехал к шаху с тем, чтобы добиться разрешения построить в Исфахане костел – на кладбище, на котором хоронили французских купцов; просьба француза была удовлетворена [14, л. 108–109]. Отметивший этот случай Иевлев застал исторический момент: «посол Французские земли» был никто иной, как известный французский иезуит Франсуа Ригорди (François Rigordi; 1609–1679), который осенью 1653 г. действительно был в Бастаме, где испросил у шаха позволение открыть в Исфахане миссию Ордена иезуитов [30, р. 8] (подробный рассказ о чем оставил ок. 1662 г. капуцин Р. дю Ман [29, р. 210–215]).

Поскольку шах Аббас II был сосредоточен на ходе военной кампании, Иевлеву пришлось ожидать приема около двух недель. 3 сентября шаху доложили о прибытии гонца, и лишь 11 числа того же месяца Иевлев узнал, что к шаху прибыл вестовой с радостной новостью о победе над моголами под Кандагаром («...индейских людей шаховы люди побили тысяч з двенатцеть, и индейские люди ис-под Кандагара прочь пошли») [14, л. 106–109].

15 сентября состоялась долгожданная аудиенция. После вручения шаху «любительной» грамоты возникла предвиденная составителями наказа неловкая ситуация: шах Аббас II не сразу справился о здоровье царя – этот вопрос был задан позднее, после напоминания со стороны Иевлева. По завершении приема шах велел Иевлеву «быть у своево государева стола». Во время трапезы шах спросил гонца, не пошел ли царь Алексей в военный поход, на что получил отрицательный ответ. Следующий вопрос, об отношениях России и Турции, задал с подачи

шаха великий визирь (в русской терминологии – «ихтома-девлет», искаж. «и’тимад ад-дауля», т.е. «опора государства») Халифа Султан – Иевлев ответил, что царь и султан пребывают «в дружбе и в любви, и в сылке»; вопрос не был праздным, так как после заключения в 1639 г. Зухабского договора между Ираном и Турцией установился мир, сопровождавшийся, однако, поддержанием границы двух держав в боевой готовности [26, р. 182, 184, 187–188]. В конце визирь поинтересовался, приедут ли к шаху «великие» послы русского царя. Иевлев заверил собеседника, что они уже в пути: «...чают их <...> ныне на море» [14, л. 110–120].

После приема у шаха пристав по просьбе визиря задал Иевлеву вопрос о чине будущих «великих» послов. Гонец ответил, что «прежде сего <...> таких великих послов и ближних людей к шаху не посылавали». Главу посольства князя И.И. Лобанова-Ростовского Иевлев аттестовал как «его царского величества ближнего человека, окольничего, и в степени своей человека великородного». Это была правда: окольничие прежде не ездили послами в Иран, хотя на протяжении XVII в. не раз возглавляли «великие» посольства ко дворам европейских монархов [18, с. 66]. Князь Лобанов-Ростовский был пожалован окольничеством в 1649 г. [28, р. 155] и ко времени своей посылки в Иран возглавлял Устюжскую четверть [11, с. 237]. На встречный вопрос Иевлева о том, примут ли послов с честью, пристав ответил утвердительно: он припомнил, что предыдущего посланца русского царя шах «поворотил», так как полагал, что царь не хочет «быть в дружбе и в братцкой любви»; теперь же, благодаря полученным от Иевлева сведениям, шах убедился в серьезности намерений русских послов, «о том порадовался и принять их с честью велит» [14, л. 121–122]. Данное обстоятельство в очередной раз подчеркивает важность миссии Иевлева и ее благотворное влияние на будущие переговоры шаха с посольством князя Лобанова-Ростовского.

Иевлева планировали вызвать на «отпуск» 18 сентября, однако из-за его болезни прощальная аудиенция была отложена до 22 сентября. В тот день гонца, пожалованного накануне «парчею и деньгами», позвали к шахскому столу. Иевлеву устроили пышные проводы: на пути к саду, где его ждал шах, по обеим сторонам дороги стояли «многие люди» с золотыми блюдами и чашами на головах – что контрастировало со скромной встречей, оказанной Иевлеву несколькими днями ранее при его въезде в Бастам. Торжества продолжились на обеде у шаха: перед подачей кушаний мимо «шаховой полаты» были пронесены на кольях головы 115 индусов, «побитых» под Кандагаром. Позднее эти головы были рассыпаны по дороге, которой Иевлев возвращался с обеда у шаха к себе на двор: ритуал заинтересовал гонца, и он оставил своих спутников посмотреть – соберут ли головы после его проезда («...тут ли те головы станут ваяльца,

или их поберут»); иранцы собрали страшные трофеи и «понесли на двор» [14, л. 124–129].

Итак, 22 сентября Иевлев получил у шаха «отпуск». Он добился позволения ехать обратно через «Кумыцкую землю», на р. Терек (т.е. через Кумыкию – кавказский регион на западном побережье Каспийского моря), получив сопровождающих и подорожные грамоты. Тогда же шах Аббас II вручил Иевлеву грамоту, адресованную его отныне «любительному брату» царю Алексею. На следующий день пристав доставил Иевлеву проезжие документы и передал слова визиря о том, что шах отправил царю грамоту, исполненную «таковых любительных речей», каких «отнюдь наперед сего не писывано» [14, л. 125–131].

Перед отъездом Иевлева из Бастама произошел случай, который прояснил смысл некоторых слов, слышанных гонцом от шаха и великого визиря. К гонцу пришел некий «полоняник белорусец», живший у шахского дворецкого. От него Иевлев услышал рассказ о взятии людьми ширванского беглербека Хосров-хана в марте 1653 г. Сунженского острога [8, с. 26, 30] – событии, будто бы угрожавшем ответным походом русских войск, а также о недавнем визите турецких послов, которые требовали от шаха уступить Тебриз и грозили войной. Таким образом, к приезду Иевлева шах Аббас II, и без того ведший кампанию против Моголов, по слухам, пребывал в ожидании большой войны еще с двумя державами, Россией и Турцией: «...добре опасенье держит со всех сторон». Этим-то обстоятельством, как видно, объяснялись адресованные Иевлеву вопросы об отношениях России и Турции и о военных походах царя Алексея; с ним же был связан приснопамятный приказ шаха Хосров-хану: стоять со своими людьми в Шемахе и быть готовым к падению русских войск [14, л. 131–132].

31 сентября Иевлев покинул Бастам. Через пять недель, 7 ноября, он, будучи в 20 верстах от Ардебиля, встретился с «великим» посольством князя Лобанова-Ростовского. Иевлев передал послам необходимые сведения и поехал дальше, в Шемаху [14, л. 132–135]. 1 января 1654 г. гонец прибыл в Терский городок. В нем он был вынужден задержаться до весны, так как, по словам местного воеводы А.Л. Плещеева, под Астрахань пришло войско калмыков; их набег на Нижнюю Волгу – в конечном счете не состоявшийся – напрасно ждали всю осень 1653 г. [19, с. 255–256]. 10 апреля Иевлев выехал из Терского городка и 16 числа того же месяца достиг Астрахани. По р. Волге гонец добрался до Синбирска, а оттуда сухим путем поехал к Москве. В Москву миссия Иевлева вернулась 22 июля 1654 г. [14, л. 135–149]. В тот же день в Посольский приказ были поданы материалы поездки: грамота шаха Аббаса II, статейный список и две отписки встреченных Иевлевым близ Ардебиля «великих» послов. О приезде Иевлева доложили патриарху Никону, который играл большую роль в выработке внешнеполитического курса России 1650-х гг. [14, л. 92].

Успех миссии Иевлева был несомненен. Об этом свидетельствуют не только достижения «великого» посольства князя Лобанова-Ростовского [8, с. 27–30], но и тот факт, что в 7163 (1654/55) г. жилец Иевлев был пожалован в стряпчие, продвинувшись таким образом на ступень вверх по лестнице придворных чинов [5, с. 93]. О тождестве двух Климентиев Алексеевичей Иевлевых – дипломатического агента и произведенного в стряпчие персонажа Боярской книги 1658 г. – говорит то, что в 1650–1651 гг. в Имеретию и в 1653–1654 гг. в Иран Иевлев ездил в чине жильца, в то время как в августе 1655 г. при отправке в Швецию он был уже стряпчим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.А., Копанева Д.Д. Статейный список А. Грибова как источник по истории среднеазиатского вектора внешней политики Ирана при шахе Аббасе II // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2025. № 1. С. 81–94.
2. Бабулин И.Б. Русско-иранский военный конфликт 1651–1653 гг. // Рейтар. 2006. № 31 (7). С. 6–33.
3. Белоброва О.А. Иевлев Алексей Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 34–35.
4. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 372 с.
5. Боярская книга 1658 года / Подг. В.А. Кадик; вступит. ст.: М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2004. 333, [2] с.
6. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
7. Документы эпохи Богдана Хмельницкого 1656 и 1657 гг., извлеченные из Глав. Москов. архива Министер. иностран. дел / Сообщ. И.М. Каманин // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 1. Киев: Тип. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1911. С. 25–120.
8. Зевакин Е.С. Конфликт России с Персией в середине XVII столетия // Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII века. Баку: ООИА, 1929. (Известия ООИА. № 8. Вып. 4). С. 24–31.
9. Кобзарева Е.И. Российские архивные материалы по русско-шведским отношениям середины XVII в. // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М.: Гуманитарий, 2007. С. 9–49.
10. Козляков В.Н. «За царскую честь война весть»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. // Российская

- история. 2017. № 1. С. 32–48.
11. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303, [1] с.
 12. Полиевков М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: [б. и.], 1935. [3], 221, [1] с.
 13. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652 / Изд. М.А. Полиевков. Тифлис: Изд-во Тифлисского ун-та, 1926. VIII, 46, [2], 230, [1] с.
 14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 77. Оп. 1. 1653 г. Д. 3.
 15. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1653 г. Д. 5.
 16. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1667 г. Д. 2.
 17. Сеидова Г.М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку: Nurlan, 2004. 172 с.
 18. Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прометей, 2012. 230 с.
 19. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2014. 448 с.
 20. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
 21. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.
 22. Шварц И. Вена–Москва: дипломатические отношения в середине XVII века // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9: Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М.: Наука, 1999. С. 180–188.
 23. Шорохов В.А., Красуцкий С.А., Антонюк М.В. Конфликт вокруг Балха 1646–1647 гг. в материалах русского посла в Иране Г.В. Булгакова // Клио. 2024. № 6 (210). С. 13–18.
 24. Юзefович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.
 25. Burton A. The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History, 1550–1702. New York: St. Martin's Press, 1997. 664 p.
 26. Güngörürler S. Fundamentals of Ottoman-Safavid Peacetime Relations, 1639–1722 // Turkish Historical Review. 2018. Vol. 9. Iss. 2. P. 151–197.
 27. Matthee R. Persia in Crisis: Safavid Decline and the Fall of Isfahan. London; New York: I.B. Tauris, 2012. 371 p.
 28. Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1: The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign's Court», 1613–1713. Helsinki: Finnish Academy of Sciences and Letters, 2004. 469 p.
 29. Richard F. Raphaël du Mans, missionnaire en Perse au XVIIe s. T. 2: Etats et Mémoire. Paris: L'Harmattan, 1995. 403 p.
 30. Richard F. Le Père Aimé Chézaud controversiste et ses manuscrits persans // Nāmeḥ-ye Bahārestān. Vol. 6–7. No. 1–2 (11–12) (Spring–Winter 2005–2006). P. 7–18.
 31. Rybar L. Shīrvānīan Beylerbey Khosrow Khān and the Russian-Persian Conflict in the Middle of the 17th Century // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 728–742.

© Копанева Дина Дмитриевна (st036379@spbu.ru), Белова Анна Борисовна (beloniria@mail.ru),
Белов Никита Васильевич (belovnikita1997@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»